

У прилавка с таньюань и без того было немного людей, но стоило начаться скандалу, как со всех сторон тут же набежали зеваки и, скрестив руки, с интересом наблюдали за происходящим. Крепкий мужик с грохотом перевернул чашку с таньюань на прилавок и, зачерпнув бамбуковой ложкой из сладкого отвара, вытащил чёрную летающую мошку, злобно выкрикнув:

— Смотрите все! Подходите, гляньте! В этих таньюань насекомые! Что ты туда за цветы кладёшь?! Как там вообще жуки оказались?!

Хозяин лавки растерялся и слабо пробормотал:

— Да... обычные цветы... как... как там могли быть черви? Может, ты сам уронил, когда ел...

Такие мелкие мошки и правда могли случайно попасть в чашку, не уследишь. Если разбираться, то и сам мужчина не был уверен, не он ли случайно уронил её туда, и хозяин тоже не мог поклясться, что в сухих цветах не осталось насекомых после плохой промывки. Но раз уж дело всплыло, мужчина, конечно, не собирался признавать свою вину и требовал компенсации; а хозяин и подавно не хотел соглашаться - дело не только в деньгах, а в том, что признание означало бы испорченную репутацию.

Он поспешил оправдаться:

— Там... там у тех, кто бинфэнь продаёт, дела идут отлично, они тоже цветы кладут! И никто не жаловался на насекомых! У меня просто цвет другой, но я тоже всё перебирал и мыл, откуда там жуки?!

Лавка Лю Гуюя с бинфэнем работала всего второй день, но уже успела обзавестись постоянными покупателями. Услышав, как разговор пытаются перевести на него, они тут же заговорили:

— Эй, не приплетай сюда чужой товар! У него османтус прямо на виду лежит, любой может посмотреть! А у тебя какие цветы, кто знает? Всё прячешь!

— Вот именно! Да и не всякие цветы есть можно! Некоторые травы да цветы вообще ядовитые бывают!

Это уже было серьёзное обвинение, и хозяин, конечно, не мог его принять, поспешно возразив:

— Не говорите глупостей! Османтус можно, а мои цветы почему нельзя?! Разве это не тоже цветы?!

Лю Гуюй уже не мог молчать. Пока на него не перекладывали вину, он бы и проигнорировал, но этот человек явно пытался повернуть всё так, будто «если он может продавать, то и я могу»;

если мои цветы нельзя есть, то и его тоже».

Закончив обслуживать последнего покупателя, Лю Гуюй обошёл прилавок и подошёл ближе и сказал:

— Цветы тоже разные бывают! Османтус используют для сиропа, для пирожных с османтусом, его, конечно, можно есть! Но ведь не каждый цветок годится в пищу, никто же не делает сладости из фотинии! Если у тебя совесть чиста, достань свои сушёные цветы, покажи всем. Если люди посмотрят и скажут, что всё нормально, дело само собой уляжется. А если не хочешь показывать... не потому ли, что есть что скрывать?

Его слова вызвали вокруг шёпот:

— Фотиния? Фу... да она же воняет, как её есть-то!

— Вот именно!

— Верно говорит, не всякий цветок съедобен, фотинию точно не используют!

...

Хозяин лавки пришёл в ярость. У его соседа росло много цветов - шиповник, дикая камелия, гибискус, во дворе всё пестрело красками. Сам он их сорвать не мог, поэтому по ночам подбирал опавшие лепестки у стены - и не трудиться, и бесплатно. Такой выгодой грех не воспользоваться. Но упавшие на землю цветы, конечно, выглядели хуже свежих: если разорвать их и бросить по нескольку лепестков в чашку, не так заметно, но если показать целую горсть, сразу станет ясно, что они уже не первой свежести. Он и думать не смел их выставить - засмеют ведь.

Теперь он уже начал жалеть: знал бы, не стал бы добавлять эти чёртовы лепестки! В глубине души он свалил всё на Лю Гуюя: не клади тот османтус, и ему бы не пришло в голову возиться с этим.

Он был из тех, кто задирает слабых и пасует перед сильными: окружённый крепкими мужиками, он не смел огрызаться, но стоило повернуться к Лю Гуюю, как тут же выпрямился и открыл рот, чтобы ответить.

Однако не успел.

Тот самый мужчина, нашедший в таньюань насекомое, с грохотом швырнул чашку на прилавок, толкнул хозяина и закричал:

— Плати! Что за дрянь ты тут продаёшь! Либо показывай свои цветы, либо возвращай деньги!

После этого ещё двое, попробовавших таньюани, тоже недовольно заговорили:

— И вкус так себе... когда остывают, вообще становятся жёсткими, есть невозможно. Не покупайте, не ведитесь!

Хозяину уже было не до Лю Гуюя - его обступили со всех сторон. Пришлось унижаться, уговаривать, извиняться, и в конце концов он всё-таки вернул деньги тому мужчине, только тогда шум утих. Но после этого случая у его лавки заметно поубавилось покупателей.

Зато у прилавка Лю Гуюя покупателей становилось всё больше, многие уже выстраивались в очередь. Когда дело закипело, ему стало не до мелких и неуклюжих уловок хозяина лавки с таньюань, собственная торговля была куда важнее.

Как и вчера, он с Цинь Жунши работал в паре: один готовил бинфэнь и вынимал бочжайгао, другой принимал деньги - всё шло слаженно.

На ярмарке становилось всё оживлённее, шум стоял невообразимый: кроме торговцев, выступали уличные артисты - кто балансировал чаши и бочки, кто водил обезьянку, разыгрывая представление, а впереди шло танцевальное представление со львами в ярко-красных меховых костюмах они прыгали по столбам, вызывая бурю аплодисментов и восторженные крики.

Перед их прилавком остановились две молодые девушки - Лю Гуюй их узнал: это были те самые первые покупательницы бинфэня вчера. Одеты они были не роскошно, но в хорошую тонкую хлопковую ткань, ярких, свежих цветов, как раз такие любят юные девушки; даже украшения в волосах у них сегодня были другие. Лю Гуюй предположил, что они не из знатной семьи, но живут всё же небедно.

Он с улыбкой спросил:

— Снова бинфэнь?

Круглолицая девушка энергично закивала и добавила:

— И ещё два бочжайгао! Один с персиком, другой с османтусом.

Говоря это, она всё время нетерпеливо приподнималась на носки и поглядывала в сторону танца львов - явно торопилась на представление.

Лю Гуюй ускорил движения и с участием спросил:

— Вы собираетесь туда, на танец львов?

Девушка закивала ещё усерднее и радостно ответила:

— Да! Говорят, в этом году в храм Гуаньинь пригласили лучшую труппу из уезда, мы с двоюродной сестрой идём посмотреть!

Оказалось, они не просто подруги, а двоюродные сёстры, с детства неразлучные и очень близкие. Получив свои чашки бинфэня и бочжайгао, круглолицая девушка ещё сказала:

— Хозяин, у вас очень вкусно! Я вчера на ярмарке встретила много знакомых девушек - всем вас порекомендовала! Если сегодня кого ещё встречу, обязательно снова приведу!

Девушке было лет шестнадцать-семнадцать, глаза у неё были ясные и круглые, а при улыбке появлялись ямочки - очень милая. Лю Гуюй не удержался от смеха, поблагодарил её несколько раз и проводил сестёр взглядом.

Воспользовавшись короткой передышкой, Лю Гуюй не удержался и, наклонившись, спросил у Цинь Жунши:

— Уже полдень, сейчас не так занято... хочешь пройтись по ярмарке?

Кто бы мог подумать, что Цинь Жунши сразу покачает головой:

— Не хочу.

Сказав это, он больше ничего не объяснил, просто присел у ведра и принялся один за другим мыть пустые бамбуковые стаканчики, раскладывая их сушиться. Лю Гуюй не стал настаивать, решив, что тому просто не по душе ярмарочная суета. Сам же он, напротив, испытывал к таким праздникам живой интерес.

Подумав, он снова не удержался:

— Говорят, ярмарка будет пять дней. Давай в последний день поработаем только полдня, а потом пойдём погуляем, возьмём с собой и матушку, и Баньбань.

На этот раз Цинь Жунши не отказался, но и слов не сказал, лишь молча кивнул.

В этот момент к прилавок подошли двое - женщина с дочерью.

— Ой... да это же Лю-гэр из семьи Цинь?

Лю Гую обернулся на голос. Даже сидевший на низкой скамеечке Цинь Жунши вдруг нахмурился, резко поднял голову и посмотрел на говорившую - узнав её, он лишь сильнее сдвинул брови. Он быстро встал и встал рядом с Лю Гуюем.

Женщину звали Чжоу Цяочжи, она тоже была из деревни Шанхэ. Саму её Лю Гуюй знал не слишком хорошо, но девочку рядом с ней он сразу узнал. Это была Тянь Хэсян, та самая девчонка, что в прошлый раз на горе Сяолю нарочно придиралась, когда Лю Гуюй с Цинь Баньбань собирали плоды фикуса. Лю Гуюй помнил, как тогда Баньбань сказала ему: мать Тянь Хэсян не ладит с Цуй Ланьфан, вот и дочь берёт с неё пример, постоянно цепляясь. Значит, та самая, что враждует с Цуй Ланьфан, - это и есть стоящая перед ним Чжоу Цяочжи.

История их неприязни тянулась ещё с юности. Когда-то, будучи девушками, они хорошо ладили, часто вместе ходили в горы за дикими овощами и грибами. Но потом пришло время замужества, и семьи начали подыскивать им женихов. Чжоу Цяочжи выдали за сына из семьи Тянь - Тянь Дачэна, который теперь работал корабейником, и потому её жизнь после свадьбы складывалась вполне благополучно. Однако сам Тянь Дачэн в юности был влюблён в Цуй Ланьфан и даже приходил свататься к семье Цуй, но получил отказ от её родителей.

Не сумев жениться на той, кто ему нравился, Тянь Дачэн всё равно не мог её забыть: и после свадьбы вспоминал, да ещё и часто говорил Чжоу Цяочжи что-то вроде «Посмотри, какая она мягкая и добродетельная, не то что ты - как тигрица, всё время злишься» или «Вот бы тебе у неё поучиться». Со временем Чжоу Цяочжи не выдержала и затаила злобу на Цуй Ланьфан, с тех пор их отношения окончательно испортились. После этого она во всём старалась ей перечить, во всём соперничать. Цуй Ланьфан только успела обсудить с мужем, что отправит второго сына учиться в частную школу семьи Лю, как Чжоу Цяочжи тут же последовала примеру и тоже устроила туда своего сына. Только вот её сын к учёбе не был способен, разумеется, не шёл ни в какое сравнение с Цинь Жунши, и это лишь сильнее задевало её самолюбие.

Зато вскоре на семью Цинь обрушилась беда, их положение резко ухудшилось, и Цинь Жунши пришлось оставить учёбу. С тех пор Чжоу Цяочжи стала ходить по деревне, словно победивший петух, и при каждом удобном случае хвасталась: её сын - учёный, обязательно сдаст экзамены, станет сюцаем, а потом и цзюйжэнем.

Каждый раз при этом она нарочно вздыхала, добавляя с притворным сочувствием:

— А у семьи Цинь-то дела плохи... такой способный сын, а пропал даром, бедняжки...

Говорила это всем подряд, снова и снова, пока у людей уже уши не уставали слушать - в те дни деревенские женщины и гэры, завидев её, старались обходить стороной.

О том, насколько успешно идут дела у Лю Гуюя, она не знала; Тянь Хэсян, боясь, что мать узнает о её играх у воды, не рассказывала ей ни про сбор плодов фикуса, ни про Лю Гуюя с Цинь Баньбань.

Теперь же Чжоу Цяочжи, уперев руки в бока, встала перед прилавком и с кривой усмешкой сказала:

— Ой-ой... бедняжка... и правда, трудно тебе, молодому гэру, самому зарабатывать на жизнь, на людях крутиться - без мужчины в доме никуда! Тяжело, наверное, дела идут? Столько стоишь, а продал хоть что-то? Ладно уж, мы ведь из одной деревни, тётка тебя поддержит, возьму пару штук. Ты же знаешь, твой дядя Тянь торговлей занимается, уж на такие мелочи деньги найдутся.

Говорила она так, но кошелёк доставать и не собиралась - было видно, что пришла лишь поиздеваться.

Когда она подошла, у прилавка никого не было, и она решила, что торговля идёт плохо, поэтому, увлечшись своей речью, даже не заметила, что позади неё уже выстроилась небольшая очередь.

Кто-то толкнул её и недовольно сказал:

— Так покупай уже и уходи! Чего стоишь тут, людям мешаешь!

<http://bllate.org/book/17177/1615894>